

А. С. ОРЛОВ

О Галицко-Волынском летописании

I

Ипатьевская летопись представлена более чем пятью списками, два из которых идут в основе от общего оригинала, а остальные — от второго из этих списков. Старший из списков, лучший по большинству чтений и архаичности лексики, — Ипатьевский, писан, судя по бумаге, около 1425 г. (Н. П. Лихачев), осторожнее же сказать — в середине XV в. (А. А. Шахматов, 1916 г.), по всей видимости, с южнорусского оригинала во Пскове. Последнее в нем известие данной летописи — 6800 (1292) г. Список отличается от остальных тем, что вся его последняя, Галицко-Волынская по содержанию, часть XIII в. снабжена годами, чего в остальных списках нет. Эта годовая сеть (1201—1292 гг.) всеми исследователями признается недостоверною (ПСРЛ, II², 1908, стр. V и прим. 1). Ипатьевский список рукописных копий пока не имеет. Вторым по старшинству письма является список Хлебниковский. Он писан, по Шахматову, в XVI в. в юго-западной России, или в Галиции, с юго-западного же оригинала. Семи листов в нем нехватало уже в XVII в., и они тогда были вставлены, причем текст их, по Шахматову, заимствован из особого списка Ипатьевской летописи, вероятно, содержавшего ту же редакцию, что Хлебниковский список, но представлявшего и некоторые отличия от последнего.¹ Хлебниковский список не имеет в Галицко-Волынской своей части хронологической сети, за исключением немногих годов. Оканчивается он известием, которое в Ипатьевском списке отнесено к 6799 (1290—1291) г. Но в нем, однако, есть и известия 6800 Ипатьевского года, только они поставлены выше, вследствие того что ближайший оригинал, с которого списан Хлебниковский список, в конце имел перепутанные листы (ПСРЛ, II², IX). И Ипатьевский список, и Хлебниковский идут от одного общего оригинала, имевшего уже пропуски в тексте и, может быть, и перепутанность листов (*ibid.*, VIII). Что касается хронологической сети событий XIII в., отсутствующей во всех списках данной летописи, кроме

¹ Ср. слова А. А. Шахматова в предисловии к реконструированному тексту Повести временных лет (1916 г.); рассуждая о ее редакции, Шахматов говорит здесь, что „Хлебниковский список не может быть удовлетворительно объяснен как копия с общего с Ипатьевским списком протографа. Имеется ряд оснований думать, что при составлении его (Хл.) был употреблен еще другой список, более исправный. Останавливаясь на тексте Повести временных лет, думаю, что и этот список был списком, может быть, и отдаленным с основной редакции Повести вр. лет“ (XLV, ср. XVII, прим. 1).

Ипатьевского, то Шахматов об этом выражается так: „составитель... свода..., именуемого Ипатьевскою летописью, не принял на себя труда расположить материал Галицко-Волынского свода по годам: годы, имеющиеся в Ипатьевском списке, появились позже, в этом отношении Хлебниковский список, где нет почти годов в соответствующей части летописи, представляется более архаичным, хотя имеются некоторые основания для предположения, что некоторые годы читались уже на полях общего для Ипатьевского и Хлебниковского списков оригинала“ (ibid., V).¹ К Хлебниковской летописи примыкают, как простые копии с нее, списки Погодинский 1621 г., Краковский,² списанный непосредственно с Погодинского в конце XVIII в., и Ермолаевский (конца XVII — начала XVIII в.), в котором текст Хлебниковского списка дополнен и исправлен по особому своду.

Обратимся теперь к наблюдениям Шахматова, вышедшим в свет в 1916 г. и опубликованным в 1917 г. в 29-м выпуске „Летописи занятий Археографической комиссии“, под заглавием „Повесть временных лет. Том I. Вводная часть. Текст. Примечания“.

Южно-русский летописный сборник XIV в. — оригинал Ипатьевской и Хлебниковской летописей — по содержанию последовательно распадается на следующие три части:³

1. Повесть временных лет, доведенная до статьи 6625 (1117) г. включительно.

2. Киевская по преимуществу летопись в соединении с общерусским летописным сводом начала XIV в., доходившим до 1305 г. и составленным во Владимире (Суздальском) по распоряжению митрополита Петра (XLVII),⁴ и с другими местными летописями, — в части от 1118 до 1199 г.

¹ М. Д. Приселков (История русского летописания XI—XV вв., Л., 1940, стр. 55) так объясняет отсутствие хронологической сети в протографе Ипатьевской летописи: „Самая манера построения исторического повествования без летописной сети годов весьма напоминает нам обычную в Византии форму исторических повествований императорских историков, из трудов которых, хотя и немногочисленных за время русского подчинения Византии, ни один не был переведен на русский язык“. Объяснение, предлагаемое Л. В. Черепнинным („Летописец Даниила Галицкого“. Исторические Записки, № 12, 1941, стр. 231), не отличается четкостью: „... достаточно убедительным является предположение о том, что протограф Ипатьевского, Хлебниковского, Ермолаевского и Погодинского списков Летописца Даниила Галицкого представлял собой не погодную запись событий, а летописный свод в виде цельного повествования“. В этих словах неясно противопоставление погодной записи событий летописному своду.

А. А. Шахматов в „Обзрении русских летописных сводов XIV—XVI вв.“ (М.—Л., 1938, стр. 103—118) рассматривает Хлебниковский список отдельно как особую летопись. В главе, посвященной ему, А. А. Шахматов, ссылаясь на проставленную на полях Хлебниковского списка хронологическую дату перед рассказом о Батыевом нашествии, сохранившуюся в Ипатьевском списке в тексте, указывает на возможность и другого предположения, согласно которому годы были проставлены в их общем протографе (стр. 103).

² Литературу о Погодинском Краковском и о пропавшем Перемышльском списках см. у В. С. Иконникова. (Опыт русской историографии, т. II, кн. I, стр. 289—290, 431—432, 590), а также у М. Д. Приселкова (История русского летописания XI—XV вв., Л., 1940, стр. 45—47). Издания Ипатьевской летописи, вышедшие в 1908 и 1915 гг. под редакцией А. А. Шахматова, имеют в предисловии анализ списков и характеристику их соотношения.

³ М. Д. Приселков в „Истории русского летописания XI—XV вв.“ (стр. 46) определяет время составления свода, легшего в основу Ипатьевского и Хлебниковского списков, началом XIV в., а в исследовании о Лаврентьевской летописи (Ученые Записки Ленингр. Гос. университета, № 32, серия исторических наук, вып. 2, Л., 1939, стр. 82 и др.) — концом XIII в.

⁴ М. Д. Приселков (История русского летописания XI—XV вв., стр. 46 и др.), как и некоторые другие исследователи, категорически отрицает существование этого общерусского митрополичьего свода начала XIV в.

3. Галицко-Волынская летопись, начинающаяся (в Ипатьевском списке) с события заглавия, и по указаниям, данным в списке, обнимающая события 6709 (1201)—6800 (1292) гг.¹ Не ясно, относит ли Шахматов заглавие Галицко-Волынской части Ипатьевского списка к нему именно, или к оригиналу его, например к южно-русскому летописному сборнику XIV в. в основном, исправном виде; или уже в виде, испорченном пропусками и перестановкой листов. В Ипатьевском единственно списке это заглавие читается так: „В лето 6709 начало княжения великаго князя Романа, како держев бывша всеи Руской земли, князя Галичкого“. „Како держев“ первые издатели Ипатьевской летописи поправили на „самодержца“, на основании дальнейших строк текста: „По смерти же великаго князя Романа приснопамятнаго самодержца всея Руси“, что одинаково читается и в Хлебниковском списке.

Обратимся к более детальному изложению соображений Шахматова по поводу каждой из первых двух частей южно-русского сборника XIV в.

Ч. 1. Повесть временных лет южно-русского сборника XIV в. представляет собою смешение разных редакций. В основе ее лежит „Киевопечерская“ редакция, составленная в 1118 г., которая изменена и дополнена по редакции Выдубицкого игумена Сильвестра 1116 г. (XLII, III, IV, VIII и X). Редакция 1118 г., судя по спискам Ипатьевскому (И) и Хлебниковскому (Х), отличалась от Сильвестровской тем, что 1) была с 1076 г. местами дополнена известиями, имеющими ближайшее отношение к Владимиру Мономаху (XXXVIII); 2) под 6618 г. содержала не одно начало благочестивых рассуждений (как в списках Лавр., Радз., Акад.), по поводу похода 1111 г. на Половцев, но и их окончание. Этот поход и дальнейшие события до 1118 г. описаны современником, лицом, близким к Мономаху, между прочим с обширными выписками из Хронографа под 1114 г., со ссылкой на него: „Аще ли кто сему вѣры не имать, да почтеть хронографа“ (V); за этими именно словами идет выписка из Амартола (небольшая) и из Малалы (длинная). Но, судя по И. Х., в южно-русском сборнике уже не было „Почуения“ Мономаха и письма его к Олегу,² хотя оба эти произведения Шахматов считает принадлежащими подлиннику Повести временных лет Киевопечерской редакции (XXXIX—XL). Сверх того, по мнению Шахматова, Повесть временных лет южно-русского сборника содержит чтения и еще нескольких позднейших редакций Повести (XLIV), например общерусского свода XIV в. (XLIV, прим. 4; LVIII и LIX), повесть которого, содержа в основе редакцию Киевопечерскую, восходила к нескольким южно-русским спискам.³ В частности, о Хлебниковском списке Шахматов говорит, что он был составлен из общего с Ипатьевским оригинала и еще из более исправного списка, в котором текст Повести временных лет, в свою очередь, был „списком“, может быть, и отдаленным с „основной“ редакции Повести временных лет (XLV, ср. XVII, прим. 1). „Основною“ же редакцией Повести временных лет Шахматов считает недошедший до нас текст Повести, составленный Киевопечерским монахом Нестором в 1112 г. (XXI, XLI); в 1116 г. ее переделал в своем монастыре игумен Сильвестр, причем „основная“ редакция при этой переделке утратилась или была скрыта

¹ Термин „указания“ надо понимать как данные хронологической сети Ипатьевской рукописи.

² В Исследовании о Радзивиловской летописи (П. Д. Письм. № CXVIII, 1902 г., стр. 99) Шахматов говорил, что поучение Мономаха читалось в приложении к общерусскому своду начала XIV в.

³ Ср. далее, стр. 14.

2 Труды Отдела древне-русской литературы

под спудом (XVII).¹ В „основной“ редакции, между прочим, не было рассказа об ослеплении Василька (1097 г.) и последовавших затем событиях 1098 и 1099 гг. Все это было заимствовано Сильвестром из рассказа духовника ослепленного Теробовльского князя, попа Василия, который был знаком с Повестью временных лет „основной“ редакции (XXXI—XXXIV). Интересен вопрос о заглавии Повести временных лет: „Несомненно, — говорит Шахматов, — [Нестор] поставил свое имя и в заглавии к Повести вр. лет: «Нестора черноризца Феодосиева монастыря Печерьскаго» — это так согласуется с авторским честолюбием Нестора“ (XVII). Сильвестр опустил эти слова (XXVII). В „Киевопечерской“ же — следующей редакции эти слова были восстановлены, но неполностью: Киевопечерский редактор „сумел связать свой труд с трудом своего предшественника по монастырскому летописанию, восстановив в заглавии «черноризца Феодосиева монастыря Печерьскаго»; имя черноризца пришлось опустить: причиной были, быть может, соображения политические, ибо это имя было связано с представлением о своде, враждебном Мономаху“ (XVII—XVIII). В Ипатьевском списке заглавие читается так: „Повѣсть временныхъ лѣтъ черноризца Федосьева монастыря Печерьскаго, откуда есть пошла Руская земля“... — то есть по 3-ей „Киевопечерской“ редакции; в Хлебниковском сп.: „Повѣсти временныхъ лѣтъ Нестера черноризца Феодосиева монастыря Печерскаго, откуда есть пошла Руская земля“... — то есть по „основной“ редакции. Надо полагать, что заглавие Ипатьевского сп. (без имени) восходит к южнорусскому сборнику XIV в., а заглавие Хлебниковского сп. (с именем „Нестера“) явилось потому, что он правлен по списку с „основной“ редакции Повести временных лет (см. выше — XLV). „Думаю, — пишет Шахматов, — что именно Галицкий список дал основание составителю Хлебниковского сп. (появившегося, вероятно, в Галиции) исправить заглавие посредством вписания в него имени Нестора“ (XIX).

В рассуждении Шахматова о Повести временных лет рассеяны интереснейшие предположения о Галицком летописании. Мы уже видели, что описание годов 1097—1099 в „Сильвестровской“ редакции Повести временных лет Шахматов приписывает попу Василию, духовнику ослепленного Василька Теробовльского, причем этот Василий, работая между 1112—1116 гг. обнаружил знакомство с Повестью временных лет в „основной“ ее редакции. Повествование Василия „вызвано появлением в Перемышле или Теробовле копии с Повести временных лет; возможно, что Василий писал для себя или для своего князя составленную в Киеве Повесть и внес в нее не только рассказ о событиях 1097—1099 гг., но еще и другие известия, относящиеся к Галицкой земле“ (XXXIV). Об этом Шахматов говорит не один раз, например: „основная редакция Повести временных лет успела до 1116 г. попасть (в копии, конечно в Перемышль (или Теробовль), где она вызвала появление местного летописного свода“ (XVII, прим. 1); „славу Нестора [имя которого соединяли мысленно, а может быть и фактически, — вставляя в заглавие, — с началом продолжавшегося в К.-П. монастыре летописания. — А. О.] охраняли и те списки, которые... могли быть сделаны с Повести временных лет до передачи ее в Выдубицкий монастырь. Один из списков попал в Галицию (т. е. к попу Василию)...; возможно, что именно к такому списку восходили списки, использованные В. Н. Татищевым, Раскольничий и Голицынский; оба они озаглавлены по южно-русски

¹ О тенденциях каждой из трех редакций Повести временных лет и о причине смен их — ХLI.

(XVI—XVII в.) или по-галицки: «Повѣсть временныхъ дѣй Нестра чернорисца Феодосіева Печерскаго монастыря», ср. польск. dzieje“; в примечании к этому месту Шахматов пытается доказать, что Раскльничий и Голицынский списки содержали чтения „основнѣй“ редакции Повести временных лет (XVIII).¹ Вспомним, что Хлебниковский список, появившийся в Галиции, при составлении правился на основании Галицкого списка Повести, идущей от „основнѣй“ ее редакции (XIX, XII). Наконец, Шахматов полагает, что в распоряжении Поликарпа Киевопечерского (XIII в.) была „основная“ же редакция Повести временных лет, может быть именно „в копии, привезенной из Галиции“ (XIX). В отделе выводов Шахматов повторяет, что изъятая или уничтоженная в 1116 г. „основная“ редакция Повести временных лет была скопирована для князя Василька Ростиславича: „таким образом, в Галиции могли сохраниться и размножиться списки с основной Несторовсѣй редакціи“. Говоря далее, что в основании всего дальнейшего русского летописания лежат „Сильвестровская“ (1116 г.) и „Киевопечерская“ редакции Повести временных лет, Шахматов прибавляет: „только немногіе летописные своды, возникшіе в Галиции, положили свое основаніе Нестрсову, или «основную» редакцію Повести“ (XLII и прим.).

Ч. 2. После создания трех древнейших редакцій Повести временных лет, в Киеве летописание продолжалось как в Выдубицком монастыре, так и в Киевопечерском. На наличность Выдубицкого летописания в течение всего XII в. находим указание в том обстоятельстве, что в списках И. Х. под 1198 г. записана похвала князю Рюрику Ростиславичу за то, что он воздвиг каменную стену под церковью св. Михаила у Днепра на Выдобыче: эта похвала читалась в Выдубицком летописном своде, прямо продолжении Сильвестровской Повести временных лет. Можно думать, что большая часть известій второй половины XII в., читающихся в И. Х., заимствована из Выдубицкой летописи. Отрывки из Киевопечерской летописи XII в. (между прочим, с известіем 1182 г.) содержатся в тех же списках И. Х.; возможно, что южно-русский летописный сборник XIV в., из которого произошли И. Х., воспользовался ею не непосредственно, а через посредство указанного Выдубицкого свода. Из сказанного видно, что в южно-русском сборнике XIV в. — прототипе списков И. Х. — были соединены Выдубицкий свод с Киевопечерским. Но, кроме того, имеются определенные указания на пользование со стороны составителя этого летописного сборника еще и общерусским летописным сводом, составленным во Владимире Суздальском (см. в И. Х. ряд владимирских известій, начиная с 1158 г. (XLIII—XLIV).

О 3-й части южно-русского сборника XIV в. Шахматов подробно не говорит в 1916 г., и потому² не ясно, как он в это время представлял себе Галицко-Волынский свод, который сохранился в этой части (XIII в.). Как мы увидим дальше, у Шахматова было ранее предположение о влиянии этого свода и на другие части южно-русского сборника. Не ясно, почему Шахматов в 1916 г. оставил без разъяснения вопрос о влиянии на Повесть временных лет южно-русского сборника со стороны Киевопечерского свода и Выдубицкого конца XII в., которые влияли на 2-ю часть сборника. Это влияние на Повесть временных лет возможно предположить потому, что в начале Киевопечерского свода

¹ О Голицынском списке Татищева важны сообщения В. С. Иконникова, Опыт русск. историографии, т. II, 1, Киев, 1908, стр. 307, 351, 453, 580.

² В „Обзоре русских летописных сводов XIV—XVI вв.“ эта третья, галицко-волынская часть также освещена слабо.

конца XII в. была Киевопечерская редакция Повести, а в начале Выдубицкого, конца XII же века, — Сильвестровская, которая при том должна была отразиться сильнее, так как свод Киевопечерский входил в Выдубицкий (ср. стр. 10). В 1900 г. вышла статья Шахматова „Общерусские летописные своды XIV и XV веков“ (ЖМНП, сентябрь, ноябрь, декабрь.): В IV главе ее Шахматов говорит, что в основе И. (и X.) списка лежал южно-русский сборник, „составленный, повидимому, в конце XIII в.“. „Южно-русский сборник составился из соединения нескольких летописных сводов; из них могут быть определены: Галицко-Волынский, из которого, кроме третьей части сборника, некоторые заимствования попали и в первые две; например сюда относится ряд известий о галицких событиях, между прочим ссылка под 1145 г. на галицкое сообщение, занесенное якобы «в задних лѣтѣхъ»,¹ а на самом деле опущенное в южнорусском сборнике; отсюда же сделаны под 1111 и 1114 гг. некоторые выписки, восходящие к Амартолу и Малале (хронографу), так как знакомство с Маладой составителя Галицко-Волынской летописи стоит вне сомнений (ср. Ипат. 494, 507, 513); Суздальский, в значительной степени отразившийся на первой части сборника; Киевский, откуда взято немало статей, касающихся Мстиславичей и Ростиславичей (между прочим похвалы Мстиславу 1178 г., Роману 1180 г., Давыду Ростиславичам 1197 г. — Ипат., 414, 418, 472, похвала Рюрику Ростиславичу — Ипат., 1199 г.). Наконец, в этот свод вошла... южно-русская летопись (Черниговская, как увидим ниже)“... (стр. 157 и прим. 3). О каждом из этих сводов-источников Шахматов говорит в 1900 г. следующее: Суздальская летопись, точнее — Суздальский летописный свод конца XII в., легший в основу южно-русского сборника конца XIII в., судя по И. X., оканчивался известием 1197 г. о рождении у в. князя Всеволода сына Ивана (Ипат. 159, прим. 1). То есть этот свод повлиял на 2-ю часть сборника. В начале же упомянутого Суздальского свода стояла Повесть временных лет, обнаруживающая влияние своей редакции 1117 г., что значительно отразилось путем этого свода на 1-й части южно-русского сборника (стр. 165 и 171).

Киевский летописный свод, также легший в основу южно-русского сборника, замыкался, по Шахматову, статьей о построении стены в Выдубицком монастыре (1199 г., стр. 159, прим. 1) и, как мы видели выше, повлиял на 2-ю часть южно-русского сборника, между прочим, хвалебными характеристиками Мстиславичей и Ростиславичей (Ипат., 1178, 1180, 1197 и 1199 гг.).

Галицко-Волынский свод конца XIII в. отразился на каждой из трех частей южно-русского сборника, а именно: он составил основное содержание 3-й части, отличающейся несомненным знакомством составителя Галицко-Волынской летописи в объеме XIII в. с Маладой. Если расшифровать цифирные ссылки Шахматова на страницы „Летописи по Ипатскому списку“, изд. Археогр. Комиссии 1871 г., то оказывается, что под заимствованиями из Малады Шахматов разумел в Галицко-Волынской летописи XIII в. цитату о реке Скрыте под 1229 г. (из XVII книги Малады), подобную игру слов под 1221 г. и афоризм Омира под 1233 г. Ипатьевского списка. Привлечение афоризма Омира сомнительно,

¹ ПСРЛ, II², И. 1145 г.: „Той же зимѣ Владиславъ Лядскій князь емъ мужа своего Петрка (X. П. „Петрока“) и слѣпи, а языка ему урѣза и домъ его разьграби, токмо съ женою и съ дѣтми выгна изъ земли своея, и иде въ Русь (Е. „и не иде в Русь, но инудѣ“). Яко же еуангельское слово глаголетъ: ею же мѣроу мѣрять, възмѣрять ти ся: ты емъ Руского князя лествю Володаря, и умучивы й, и имѣние его усхыти все, его-же Богъ по нѣколици днєвь не призрѣ, о нем-же бѣ въ заднихъ лѣтѣхъ писано“.

потому что в славянском переводе хроники Малалы этого афоризма найти нам не удалось. Галицко-Волынский свод (XIII в.) отразился и на 1111 и 1114 гг. Повести временных лет южно-русского сборника выписками из Амартола и Малалы. Из относящихся сюда кратких слов Шахматова, брошенных вскользь, не ясно, к какому времени надо отнести внесение цитаты Малалы под 1114 г. Как будто выходит, что это внесение принадлежит Галицкому составителю XIII в., который именно и поместил выписку из Малалы в Повесть временных лет, начинавшую его свод. Если в данных словах Шахматова не видеть диалектической обмолвки или случайной неясности, то они противоречат положению, высказанному им еще в 1897 г.,¹ по которому хронографические выдержки (из Малалы) под 1114 г. Повести временных лет принадлежат ее редактору, работавшему в 1118 г. Несмотря на то, что тому же положению следует и акад. В. М. Истрин, говоря, что хроника Малалы в переводе уже была на Руси в начале XII в., потому что под 1114 г. второй (по Шахматову) редакции Повести временных лет помещены выдержки из этой хроники, все-таки, по нашему мнению, следует пересмотреть вопрос о двукратном (XII и XIII в.) или однократном (XIII в.) влиянии хроники Малалы на летопись.

Наконец, по словам Шахматова, Галицко-Волынский свод отразился рядом галицких событий (между прочим, 1145 г.) на 2-й части южно-русского сборника.

Южно-русская летопись, вошедшая в состав южно-русского сборника, составлена была из нескольких источников: главным же ее источником была, повидимому, летопись Черниговская, а местом ее составления, судя по преобладанию черниговских известий, — сам Чернигов, или Черниговская область. Судя по И., в ней содержались составленные черниговцем повести и заметки XIII в. (стр. 157—161). К этой Черниговской летописи Шахматов относит довольно много галицких известий первой половины XIII в., вошедших частью в южно-русский сборник XIII в. (т. е. в Ипат. л.), поясняя это отнесение так: „причина, почему в Черниговской летописи так много места уделено галицким событиям, заключается в том, что черниговские Игоревичи, по родству своему с угасшей линией галицких князей (их мать была дочерью Ярослава Осмомысла), предъявили права на Галич и погибли там в 1211 году. Кроме того, Михаил Всеволодович черниговский был женат на сестре Даниила Романовича, и это, в связи с политическими отношениями, усиливало интерес черниговца к Галичу“. Считая повесть о Калкской битве южно-русского сборника принадлежностью Черниговской летописи, Шахматов объясняет находящуюся в этой Повести похвалу Даниилу Романовичу тем, что он был шурином Михаила Черниговского (стр. 161—162 и 162, прим. 1 и 2).

Судя по другим летописям (т. е. кроме Ипатьевской), на которые влияла та же Черниговская летопись, она 1) была доведена до 1284 г.; 2) начиналась Повестью временных лет особого вида (стр. 163), „более полной, а отчасти, может быть, более древней редакции, чем та, которая сохранилась в Суздальских сводах, и, под влиянием одного из них,

¹ Хронология древнейших русских летописных сводов (ЖМНП, 1897, апрель, стр. 476, прим. 2): „Кроме сочинений Мефодия Патарского, Ипполита папы римского, Епифания Кипрского, ему (т. е. второму редактору Повести временных лет, писавшему в 1118 г. — стр. 464) был известен и какой-то греческий хронограф (ср. Ипат. 1114 г.)“. То-есть Шахматов здесь разумеет ссылку Ипат. на „хронограф“, оказавшийся, по определению Истрина, компилятивным славянским хронографом с Малалой (см.: В. Истрин. Хронограф Ипатского списка летописи под 1114 годом, — ЖМНП, 1897 ноябрь; Хронографы в русской литературе, Виз. Врем., т. V, в. 1 и 2, 1898, стр. 135)

легла в основание южно-русского сборника конца XIII века“ (стр. 164—165, 171). По мнению Шахматова, в числе источников Черниговской летописи лежал Киевский свод 1223—1231 гг. с Повестью временных лет того вида, который отличает эту Черниговскую летопись (стр. 170 и 171).

Некоторым видоизменением взглядов 1900 г. являются соображения Шахматова, высказанные им в Предисловии ко 2-му изданию II тома ПСРЛ („Ипатьевская летопись“) 1908 г. Здесь Шахматов определяет источники Ипатьевской летописи так. Киевский летописный свод конца XII в. он неприкровоенно уже считает составленным в Выдубицком монастыре, но еще не расчленяет этот свод на Печерскую летопись конца XII в. и на собственно Выдубицкий свод, как это сделано им в 1916 г. Вместо Суздальского свода конца XII в. источником южно-русского сборника Шахматов считает общерусский летописный свод, составленный в Суздальской области в начале XIV в., что осталось неизменным и в генеалогии 1916 г. Идея общерусского свода начала XIV в. была у Шахматова еще в 1900 г. (Общерусск. лет. своды, гл. IV, стр. 149), она была затем уверенно выражена в 1902 г. (Исследования о Радзиз. лет.), когда даже напечатан чертеж (стр. 101), на котором Ипатьевская летопись была прямо поставлена в генеалогическую зависимость от общерусского свода именно начала XIV в. Эта зависимость несколько раз указана и в рассуждении 1902 г. (стр. 55, 74, 98). Но она здесь основывается лишь на известиях Повести временных лет (например стр. 56) и на известиях до конца XII в. (например стр. 43—46). Чтобы не быть голословным, Шахматову следовало привлечь и XIII век, что он и сделал в 1908 г., когда сказал, что „в текст Галицко-Волынского свода... включено составителем Ипатьевской летописи лишь несколько статей из Суздальского общерусского летописного свода (например статьи, относящиеся к нашествию татар)“ (стр. V). Что касается Черниговского летописного свода, то в исследовании 1900 г. Шахматов доводит его размер до 1284 г., полагает в числе его источников Киевский свод 1223—1231 гг. с Повестью временных лет и видит его влияние на Ипатьевскую летопись не только XII в., но и XIII в., кончая 1245 годом. В исследовании же 1903 г. Шахматов видит явные заимствования из Черниговского свода лишь среди статей и известий XII в. и говорит, что он прекращался в конце этого столетия (ПСРЛ, II², стр. IV и V).¹ Итак, согласно генеалогии 1908 г., Черниговский свод влиял на Ипатьевскую летопись только до конца XII в. В 1916 г. об этом совсем не упоминается, может быть, потому, что черниговские известия Шахматов отнес к одному из предположенных им Киевских сводов конца XIII в. Что же касается Черниговских известий Ипатьевской летописи XIII в., то один из них и в 1908 г. и в 1916 г. Шахматов счел, повидимому, галицкими, а другие — заимствованными из общерусского свода начала XIV в.

В 1900 г. оригинал Ипатьевской летописи Шахматов называет южно-русским сборником и говорит, что он был составлен, повидимому, в конце XIII в.; в 1902 г. называет так же, считает его доведенным, согласно М. С. Грушевскому (Хронология подій Галицко-волыньської літописи), до 1290 г., но — очевидно — составленным позднее XIII в., так как ставит его в несомненную зависимость от общерусского свода начала XIV в. (Радз., стр. 55); в 1903 г. „южно-русский летописный свод“ этого Шахматов считает кончающимся на событиях 1289—1290 гг.,

¹ Такою же взгляда держится А. А. Шахматов и в „Обзоре русских летописных сводов XIV—XVI вв.“ (стр. 72 и след.).

но составленным не раньше первых десятилетий XIV в., причем замечает: „при определении времени нельзя обойти между прочим титул, данный под 6634 (1126) г. Владимиру Мономаху: «великий князь всея Руси»“ (ПСРЛ, II², стр. IV, V);¹ в 1916 г. Шахматов просто употребляет термин: „южно-русский сборник XIV века“.

Полагаем, что термин „южно-русский“ не имеет целью указать точно на место окончательного составления Ипатьевской летописи, — скорее избегает такого указания; вероятно, Шахматов разумел под ним преимущественное содержание сборника в противопоставление с другими летописями или их списками, содержащими главным образом северные или западные события России или там писанными. Что же касается последних годов сборника, то, повидимому, они даются Шахматовым то по указаниям Ипатьевского списка, то по верному исчислению. Определение времени составления сборника XIV веком, очевидно, зависит главным образом от предположения о влиянии на него общерусского свода начала XIV в.

В книге „Разыскания о древнейших русских летописных сводах“, вышедшей в 1908 г., Шахматов также касается вопроса о Галицко-Волынской летописи, которая между прочим вошла в Ипатьевскую (см. главу XIV: „Мистиша Свенелдичь и сказочные предки Владимира Святославича“). Свои выводы Шахматов здесь строит преимущественно на сличении русских известий хроники Длугоша с русскими летописями, исключая западно-русских. По мнению Шахматова, в 60—70-х годах XV в. Длугош воспользовался для своей хроники в пределах X—XIII вв. (до 1288 г. включительно) только двумя русскими летописями: 1. Общерусским сводом 1423 г., 2. „Галичскою“ летописью. Польский ученый Семкович² первый указал на необходимость признать среди русских источников Длугоша летопись „Перемышльскую“; эту летопись Шахматов считает более правильным назвать Галичскою, или, как предложил И. А. Линниченко, „южно-русскою“ летописью, которая, судя по данным Длугоша и Татищова, была более полна, чем та, которая известна под именем Ипатьевской, причем список ее, использованный Татищевым, был полнее списка Длугоша. К этой летописи относятся, например, известия Длугоша 20-х годов XII в. (1121, 1123, 1126, 1128 гг.), 1185, 1195 г. и т. д. и т. д., — между прочим и рассказ о захвате Перемышльского князя Володаря (ум. в 1126 г.) поляками (1121 г.), о чем Ипатьевская упоминает под 1145 (6653) г., ошибочно ссылаясь на то, что о захвате его Лядским мужем Петроком сообщила „в задних лѣтѣх“, какового сообщения в Ипат. нет.³ Эта Галичская летопись, имевшая в своем начале Повесть временных лет, соединенную с Киевскими сводами — „Начальным“ (1093 г.) и „Древнейшим“, частью, но далеко не в полном

¹ В обзоре летописных сказаний о последних потомках Романа, Андрея и Льва II Юрьевича, погибших уже до 1323 г., А. А. Куник замечает: „Хотя история юго-западной Руси после 1291 г. представляет много пробелов, тем не менее довольно странно, что о таком крупном событии, как трагическая кончина двух последних представителей дома Даниила Романовича не сохранилось никаких известий ни в великорусских ни в польских летописях... Этот ошутительный пробел отчасти вознаграждается... теми известиями о кончине Владимира-Андрея и Льва, которые мы встречаем в литовских летописях“ (т. е. Стрыйковского и подобных) („Болеслав-Юрий II, князь всей Малой Руси“, 1907, стр. 135). Эта малая осведомленность не позволит ли заключить, что русская летопись не велась ни при дворе Владимирском (Андрей I), ни при дворе Галицком (Лев II) после смерти Юрия I (1315 г.)? То есть, ставши даже на точку зрения Шахматова, составление южно-русского сборника не следует относить ко времени позднее 1315 г., когда, повидимому, возобладали в Галицко-Волынском княжестве иноплемennые влияния.

² Rozbiór krytyczny dziejów Długosza Samkowicza, Kraków, 1877.

³ См. выше, стр. 20.

виде, вошла в состав Ипатьевской летописи, а также, повидимому, и общерусского свода начала XIV в. (стр. 347).

II

Некогда принадлежавший императрице Екатерине II,¹ знаменитый Архивский сборник конца XV—нач. XVI в., судя по начинающему его подробному оглавлению, состоял из: 1. Апокалипсиса; 2. Хронографа от с. м. до взятия Иерусалима Веспасианом; 3. Русской летописи, кончающейся 1214 г.; 4. Сборника; 5. Пчелы. Самых текстов Апокалипсиса, Сборника и Пчелы недостает в настоящем составе рукописи (Моск. Главн. архива Министерства иностранных дел, № 279—658, прежде № 902—1468). В той части Архивского хронографа, где рассказ из хроники Малалы разрезывает XI главу книги Бытия, помещено сведение о ереси некоего Совия, поганская прелесть которого вошла и „в литовский род, и Ятвезе, и в Прусы и в Емь и во Ливь“, и выразилась, между прочим, в том, что они „и ныне мертва телеса своя съжигают на крадах“ и приносят жертву „скверным богомъ Андаеви и Перкунови, рекше грому, и жворунѣ, рекше суцѣ,² и Телявели къ кузнею, сковавше ему солнце, яко свѣтити по земли и възвергъшю ему на небо солнце“. В параллель к этому кн. М. А. Оболенский привел две цитаты из Ипатьевской летописи, из Галицко-Волынской ее части, где у Литовцев упоминается жертва Телявели, призывание бога Андая, сожжение мертвых, но нет имен Жворуны и Перкуна, за то приведены еще три иных имени богов и обычаи, не упомянутые в Хронографе: И. 1252 г.: „Миндог же посла къ папѣ и прия крещение. Крещение же его льстиво бысть: жряше богомъ своимъ вѣтайнѣ, первому Нѣнадѣви [Х. Нонадѣви], и Телявели, и Дивирикъзу, зачему богу и Мѣдѣвину [Х. Медѣвину, Е. Миндѣвину]; егда выѣхаше на поле и выбѣгнаше заяць на поле, въ лѣсъ рождения не вохожаше вону и не смѣяше ни розгы уломити, и богомъ своимъ жряше, и мертвыхъ тѣлеса сожигаше, и поганство свое явѣ творяше“. И. 1258 г.: „Романови же пришедшу ко граду и Литвѣ [ко граду—т. е. к г. Возвяглю, только что сожженому и разгромленному Даниилом Галицким], потокши на градъ Литвѣ, не вѣдѣша [Х. не видѣша] ништо-же, токмо и головѣ ѣ, ти псы течюще по городищу; тужаху же и плаваху, по-свойски рекуще: „янда, взывающе боги своя, Андая и Дивирикса, и вся боги своя поминающе, рекомыя бѣси“.³ Из сличения сведений о литовской мифологии, находящихся в тексте Архивского хронографа и Ипатьевской летописи, М. Оболенский выводит, что указания на литовские божества Ипатьевский летописец заимствовал из древле-Болгарского перевода хроники Иоанна Малалы (XXI). Этот вывод приходится уточнить. Если бы Оболенский обратил внимание на то, что сведения о литовской мифологии Архивского хронографа и Ипатьевской летописи не покрывают друг друга, то при предположении общего им источника именно в хронографе исследователь должен был бы сказать, что этот хронограф был более полного вида, чем Архивский, который, таким образом, представлял более позднюю редакцию сравнительно с использованной Ипатьевским летописцем. В конце хроногра-

¹ Кн. Оболенский, Лет. Переясл.-Сузд., стр. LIX.

² По словам М. Н. Петерсона, собака по-литовски: szuva. Не соответствует ли этому слову „жво“, — первая часть имени „Жворуны“ (суки).

³ „Летописец Переяславля Суздальского .. изд. кн. М. Оболенским“, М., 1851, стр. XIX—XXI; цитаты Ипат. исправлены нами по т. II² изд. ПСРЛ, цитаты из Хронографа по изданию В. М. Истрина, „Александрия русских хронографов“, М., 1893, стр. 359—360.

фической цитаты о Совии сказано: „си же прелесть сквернае прииде внѣ [„внѣ“ или „в нѣ“?] от еллинъ, лѣтъ же имѣють отъ Авимелеха и многого роду сквернаго Совья до сего лѣта, в няже начахомъ писати книги си, есть лѣтъ 3000 и 400 и 40 и 6 лѣтъ“. Прежде всего коснемся транскрипции этой цитаты. У Оболенского (XXI) вернее, по нашему мнению, „в нѣ“ сочтено за два слова, т. е. прелесть пришла „в них“ — в литовские племена, перечисленные цитатой выше. В. М. Истрин печатает „внѣ“, как одно слово, соединяя, повидимому, это „внѣ“ с следующим „от еллин“ (т. е. прелесть пришла в Литву извне от еллинов?). Можно думать, что в данной выписке В. М. Истрин находился под влиянием Добрянского (издавшего цитату о Совии по другому списку того же Хронографа), да и сам не дорожил смысловым делением слов в цитате о Совии, печатая, например: „снѣда ему“ отдельно, вместо дат. самост. „снѣдаему“ (стр. 359, стр. 9 св.). Руководствуясь Библейским летоисчислением „Нестора“, Оболенский из вышеприведенных цифр получает 6770. „Этот 6770 год от с. м. или 1261 г. от р. х. и указывает нам время, в которое Русской переписчик начал списывать Болгарский перевод хроники Малалы; наша же рукопись, которая относится к XV в., есть точная копия с этого древнего списка“ (XXII). Описанный Добрянским Виленский список (XVII в.) Хронографа,¹ представляющий собою первоначальный, по мнению В. М. Истрина, вид хронографа, заключенного в Архивском сборнике, имеет ту же цитату о Совии с той же датой. В. М. Истрин полагает, что дата и восходит только к хронографу, писанному, следовательно, в 1262 г. (1261 — по Оболенскому, 1262 — по Срезневскому и Истрину), а не ко всем пяти частям Архивского сборника, так как в Виленском списке четырех из них не было. Но все же сборник из пяти частей существовал уже ранее Архивского списка (Истрин, Александрия, 125—126); однако, конечно, еще вопрос, много ли лет после 1262 г. появился этот оригинал Архивского сборника. Что касается места появления хронографа 1262 г., то В. М. Истрин сначала был согласен с мнением И. И. Срезневского,² что хронограф этот „судя по вставке о Совии и о Литовском язычестве — труд русского книжника, работавшего, вероятно, в западной Руси“ (358). Вторая часть цитаты о Совии, именно та, которую В. М. Истрин считает русской глоссой, где и содержится сведения о Литовской мифологии, в Архивском списке озаглавлена: „Указъ о поганской прелести сице иже Совия богомъ нарицають“ (слово „Совия“ на стр. 360 „Александрии“ по недосмотру опущено); в Виленском же списке начало этой второй части иное: „скажем поганьскыя прѣлести быти сицево и [sic — отдельно, как и в изд. Добрянского] в Литвѣ нашей“. В. М. Истрин старается доказать, что слова Виленского списка, соответствующие заглавию Архивского, передают подлинный текст хронографической цитаты исправнее и что выражение „в Литвѣ нашей“, „указывает нам, что хронограф составлялся в Литве“. „Архивский список происхождения южно-русского и представляет отрывок из целого сборника, в котором совершенно неуместны были такие слова, как „скажемъ о поганской прелести въ Литвѣ нашей“, а поэтому они выкинуты и заменены по обыкновению кинноварным заглавием, в котором все-таки сохранились следы оригинала. Самое существование списка именно в Вильне при

¹ № 109 (147) Хронограф в л., полууст. XVII в., 736 лл. См. „Описание рукописей виленской Публичной Библиотеки, церк.-слав. и русских“, сост. Ф. Добрянский, Вильно, 1882 г.; 2-я часть цитаты о Совии напечатана на стр. 249 и 250 Отрывок такого же хронографа с цитатой о Совии открыт М. Н. Сперанским среди рукописей И. Е. аслова, № 436 — Гос. Ист. муз., инв. № 733, кон. XVII в.

² Сведения и заметки, № LXXXV, СПб., 1879, стр. 139.

высказанном соображении может служить, хотя бы и незначительным, подтверждением; мы не знаем, как попал список в Вильну: может быть, от там и был списан, на месте родины своего родоначальника" (360—361). Эти соображения нам не кажутся убедительными. Прежде всего, нельзя точно определять самый текст заголовка по Виленскому списку, основываясь на содержании дальнейших слов статьи. Если в статье и упоминалось о литовском роде, это еще не обязывает к тому, чтобы „Литва“ была непременно упомянута в заголовке основного текста хронографа. Затем, нет основания думать, что вообще текст Виленского списка не переделывал своего оригинала. Возьмем отрывок о Совии: в первой его части, которую В. М. Истрия возводит к Малале, потомки Совии называются и в Арх. и в Вил. списке „роженнымъ отъ него“. Во второй же части Арх. верно повторяет „роженнымъ отъ него“, а Виленский добавляет глоссу „дѣтем“. Еще об одной переделке Виленского списка скажем ниже. Далее, что значит в понимании русского 1260-х годов „въ Литвѣ нашей“? Только то разве, что описывается язычество тех литовских племен, которые жили на политически-русской территории. Но такая фразеология необычна. „Нашею“ — обыкновенно называлась страна, родная писателю не по какой-то инородческой, иноверной части ее этнографического состава, а родная по крови и веру. Если же русский называл Литву своей, то это могло случиться не ранее половины XIV в., конечно, позднее времен основателя Вильны (1320-х годов), Гедимины, который, правда, породнился с русской Волинской династией, но еще не утвердился на Волини; только при великом князе Ольгерде определилось существование Литовско-русского государства с русским преимущественно населением и русской культурой.¹ Если принять последнее, то выражение „въ Литвѣ нашей“, т. е. в Литве у нас, следует отнести не к хронографу 1262 г., а именно к Виленскому списку, или к ближайшему его оригиналу, может быть также Виленскому, который не восходил ко времени ранее половины XIV в. Что же касается определения Архивского списка не юго-западным, а южно-русским, то В. М. Истрия ничем его не подтвердил. Полагаем, что хронограф был писан в 1262 г. не в Литве, а в Галицко-Волинской земле, где интересовались литовским язычеством, как это видно по сведениям 1250 гг. Галицкого летописи.

Совершенно неожиданным является в начале 1900-х годов отказ В. М. Истрия от прежних своих определений места и времени хронографа: „К идейной литературе XIII века, отвечавшей на очень определенные вопросы тогдашнего времени, относится известный Архивский хронограф, в свое время названный мною иудейским хронографом. Его характер определяется из анализа источников: все они таковы, что ясно указывают на определенную цель автора — дать изложение истории евреев от сотворения мира до уничтожения их политической жизни, кончая последним разрушением Иерусалима. Памятник этот возник не позже 1262 г., т. е. в середине XIII века. Что же касается места составления памятника, то на основании известной глоссы, которая в Вилен-

¹ „Литва времен Ольгерда была по преимуществу государством не литовским, а русским, так как мало-помалу около нее сгруппировались почти все юго-западные русские области, подобно тому, как в северо-восточной Руси мелкие удельные княжества объединялись под властью Москвы. Литва дала новому западно-русскому государству название и княжеский род, но она немедленно подверглась влиянию высшей культуры своих подданных, так что в Литовском государстве уже при Ольгерде русский язык был языком господствующим, о чем красноречиво свидетельствует литовско-польский договор 1353 года, написанный чистейшим русским языком, хотя в нем не упоминается ни один князь русского происхождения“. „Юрий II, последний князь всей Малой Руси“, И. Ржежабек, СПб., 1907, стр. 35.

ском списке читается «скажем же о поганской прелести и в Литве нашей», выводилось заключение, к которому примыкал и я, что автор хронографа работал в Литве. Но теперь мне кажется, что вопрос не может быть решен так положительно: XIII век для Литвы не был веком подъема, возбуждения; там в это время только еще стали образовываться небольшие центры, а потому о появлении такого памятника нельзя сказать ничего решительно, так как для этого нет данных. Затем, заглавие глоссы не обязывает признавать возникновение памятника именно в Литве, так как подобные же глоссы могли быть составлены и в северо-восточной Руси выходящем из Литвы. Наконец, неизвестно, где и когда составилась глосса. Составлена ли она автором XIII в., или он ее взял готовой и только от себя прибавил года. Наши данные дают возможность с одинаковым правом относить место возникновения памятника как к Литве, так и к северо-восточной Руси. Но так как в отношении Литвы XIII в. нет сведений о литературном движении, а на северо-востоке Руси оно играло значительную роль, то перевес падает на сторону северо-восточной Руси, тем более, что памятник сам по себе, по своему содержанию, стоит в связи с другими подобными же памятниками, которые не могут быть отнесены к Литовскому государству» (В. М. Истрин. Исследования в области древне-русской литературы, I—V, СПб., 1906, стр. 225—226).

Это рассуждение, касающееся, главным образом, места составления хронографа, тем самым не входит в объем нашей работы. Что же касается безнадёжности его тона, то он зависит от слишком большой веры в „Литву“ Виленского списка и от забывчивости о Галицко-Волынской Руси и о ее летописи. Впрочем, в 1922 г. В. М. Истрин снова говорит, что Архивский (Иудейский) хронограф составлен „в XIII веке, в начале второй половины, на Литве“ („Книги временныя и образныя Георгия Мниха“, Пгр., 1922, стр. 424).

Выше было нами обещано сказать об одной переделке Виленского списка, именно о принесении литовцами жертвы (Арх.) „Жворуне: рекше суце, и Телявели к кузнею (Вил. и теля велик кузнец) сковавше ему солнце“. В виду дат. падежей „Андаеви“, „Перкунови“, „Жворуне“, надо думать, что вместо „сковавше ему“ списков — в оригинале их читалось „сковавшему“ (или „сковавшу [-шю] ему“); „к кузнею“ Арх. (по Истрину), конечно, ошибка, только не знаем, чья, так как кн. Оболенский напечатал „и с кузнею“ (XXI). Но несомненно, что „и теля велик кузнец“ Виленского списка — позднейший домысел, потому что контекст не позволяет здесь употребления именительных падежей. „Телявели“, значит, — одно слово, поставленное в дательном падеже, а не два. Ведь, и в Ипатьевской летописи: „жряше... Ньнадееви и Телявели и Диверкьзу“... Если же представить себе, что и Арх. список и Ипатьевская летопись ошиблись, а Виленский список верен, то неминуемо надо предположить, что и Арх. и Ипат. идут от одного в данном месте испорченного текста, что мало вероятно ввиду несладкого синтаксиса этой цитаты в Виленском.

В своей книге „Переводные сборники изречений в славяно-русской письменности“, вышедшей в 1904 г., М. Н. Сперанский относит дату 1252 г., в согласии с В. М. Истриным, только ко времени написания одного хронографа (стр. 367), послужившего прогографом Арх. и Вил. списков. Весь Арх. сборник М. Н. Сперанский считает писанным или во второй половине XV в., или в начале XVI в.; состав его определяет так: 1. Толковый Апокалипсис (старейший русский список его известен от XIII в.); 2. Иудейский хронограф половины XIII в.; 3. Русский летописец, составленный между 1214—1219 г.; 4. Сборник, по наблюдению

арх. Леонида,¹ близкий по составу к Святославу изборнику 1073 года; 5. Болгарский перевод Пчелы, сделанный в XIV в. по манере Евфимия Тырновского. В Архивском сборнике, говорит М. Н. Сперанский, сохранились лишь Хронограф и Летописец русских царей (т. е. статьи 2-я и 3-я); остальное или пропало или не было списано, т. е. переписчик списал целиком лишь оглавление своего оригинала (стр. 366). Оригинал Архивского сборника не был старше XV века: Летописец Переяслава Суздальского, в том виде, как он читается в нашей рукописи, а следовательно, читался и в ее оригинале (оглавление коего целиком на лл. 1—10 списал писец Архивской рукописи), старше XV в. быть не мог: он озаглавлен „Летописец русских царей“; в нем не только читаем, что в 6360 (852) г. „Михаил нача царствовати“, но и что Словене сказали... „поставимъ (князя) надъ собою царствовати“ (Оболенский, 5), Олег остался в Киеве „княжа и царствуя“ (ibid., 6) и т. д., что не мыслимо было бы для списка и редакции текста не только XIII, но XIV и даже начала XV в. (стр. 367—368). Это мнение М. Н. Сперанский разделяет с М. Н. Бережковым, к статье которого и отсылает читателя.² По всей вероятности, говорит М. Н. Сперанский, болгарская Пчела была случайным добавлением к сборнику, имевшему преимущественно исторический характер и постепенно осложнявшемуся учительными статьями, Изборником и Пчелой (369).³

Наблюдение арх. Леонида о близости четвертой части оригинала Архивской рукописи с так называемым Изборником Святослава 1073 г., что установлено исследователем по оглавлению Архивского списка, попытаемся выразить определеннее. Часть эта в оглавлении надписана так: „Главы Соборника числом“. Далее против названий глав Соборника стоят их нумера с 325 по 734. Насколько позволяет судить сравнение описания Изборника 1073 г. у А. В. Горского (№ 161 Синодальной библиотеки) с Архивским оглавлением, чрезвычайно близкий ко всему Изборнику подбор статей, а может быть и вполне тождественный, занимает нумера глав с 334 по 734 оглавления. Озаглавлен этот подбор также соответственно Синодальному Изборнику 1073 г.: „сборъ отъ многъ отецъ тълкованиа о неразумныхъ словесехъ въ иеуангелии и въ апостоле и въ инехъ книгахъ“. До этого перечня главы 325—327 посвящены статьям о латынах, именно: „когда отлучишяся от Грекъ“ (325 г.), „коего ради дела отлучишяся от нас“ (326 г.) и „Сказание⁴ о латине 12 апостогу о опресноцехъ“ (327 г.). Интересно, что подробная статья „о Латынхъ, когда отлучишяся от Грекъ“, помещается в Еллинском летописце I и II редакции, причем в заглавии ее по Синод. списку Еллинского лет. I редакции (№ 280, л. 597) отлучение отнесено к 6286, т. е. 1278 г., конечно по описке, но достойной внимания потому, что она повторена и другими рукописями.⁵

Весьма справедливым считаем вывод М. Н. Сперанского, что оригинал Архивского списка представлял собою не первоначальный состав статей. Изборник, с дополнением полемических против Латын статей и статей церковно-юридических, болгарская Пчела и должно быть Тодковый Апокалипис первоначально отсутствовали в составе книги, имевшей исторический характер и состоявшей лишь из хронографа 1262 г.

¹ Арх. Леонид, Древняя рукопись, Русский Вестник, 1889, № 4, стр. 21.

² М. Н. Бережков. Еще несколько слов о летописце Переяслава Суздальского, Сборник Ист.-филол. общества при Игституте кн. Безбородко, III, 1900, 67—68, 79.

³ В книге М. Н. Сперанского есть не вполне, к сожалению, ясный намек на то, что Архивский сборник принадлежит к русской письменности юго-западной (стр. 369—370).

⁴ „С“ по недосмотру не проставлено (кинофарью?); ср. Оболенский, стр. LXXVIII, стрк. 3 сн., и Опечатки.

⁵ А. Попов. Обзор, I, стр. 90—91; Горский. Оп. Синод. рук., II, 3, стр. 644.

и летописца. Впрочем, о времени включения Толкового Апокалипсиса М. Н. Сперанский ясно не высказывается, а нахождение его в начале книги как будто говорит против позднего его включения, тем более что Апокалипсис, толкующий конечные судьбы людского мира, в известной степени подходит к историческим статьям. Итак, допустим предположение, что основной вид оригинала Архивского списка мог состоять из Толкового Апокалипсиса, сверх Хронографа и Летописца. Составление основного сборника могло произойти в XIII в., притом вскоре после 1262 г. или даже в этом году, а начаться могло и несколько ранее 1262 г. Если этот год и относится только к писанию Хронографа, то все же писание других статей для сборника, т. е. Апокалипсиса и Летописца, происходило приблизительно одновременно с писанием Хронографа.

Теперь скажем о времени присоединения к основному сборнику двух его последних статей: „Соборника“, заключающего в себе главным образом копию Изборника Святославова 1073 г., и болгарской Пчелы XIV в. Пчела могла быть присоединена, конечно, самое раннее — в исходе XIV в., чего нельзя утверждать об Изборнике с дополнением. Если статья на точку зрения М. Н. Сперанского, который первоначальный состав статей в основе оригинала Архивского списка считал историческим, то *Соборник* приходится не считать принадлежащим к этой основе, в виду его неисторического содержания. Но, ведь, все-таки и в нем должно быть была историческая статья, соответственно подлинному Изборнику 1073 г., именно „Лѣтописьъ въкратцѣ отъ Августа и до Константина и Зоя цесарь Гръчскихъ“, т. е. перевод хронографии царградского патриарха Никифора. К историческим же позволительно отнести и первые три главы о Латынах „когда отлучишяся отъ Грѣкъ“ и т. д., предваряющие главы Изборника. Имея в виду, что на славянской, и в частности русской почве списки Изборника не встречаются в XIV в., от которого именно дошло до нас преобладающее количество пергаменных рукописей, приходится внесение *Соборника* в основу оригинала Архивского списка отнести к XIII в., т. е. считать первоначальный состав этой основы заключающим Апокалипсис, Хронограф, Летописец и *Соборник*, или же это внесение приписать ближайшему оригиналу Архивского списка, т. е. признать и *Соборник* и *Пчелу* внесенными одновременно в XV в. Что касается существования списков Изборника в XIII в. на русской почве, то его можно предполагать на основании следующих соображений. Изборник именно назывался „Сборъ отъ многъ-отець глькованиа“, т. е. именно „сборником“, тогда как, например, сборники поучений XII—XIV вв. назывались „Златоструем“, „Златоустом“, „Златой цепью“ и т. д., а житийные, например, группы неопределенного состава и совсем не получали объединяющего заглавия. В самом конце Волынской летописи, под 1288 г. (Ип.) в Хлебниковском списке перечисляется, что достойного оставил после себя покойный Волынский князь Владимир Василькович. Между прочим, в новопостроенном им г. Каменце, в церковь Благозещения он пожертвовал несколько книг „и съборникъ отца своего туто-жь положи“; то же и в своем монастыре свв. Апостолов „и съборникъ велчкый отца своего туто-же положи“. Не позволительно ли предположить, что один из этих „съборников“ Василька Романовича, скончавшегося в 1271 г. (Ип. 6679), и заключал в себе Изборник Симеонов—Святославов?¹ Итак, мы склоняемся

¹ Среди южно-русских и западно-русских средневековых памятников П. В. Владимиров указывает два списка Изборника 1073 г. (XV и XVI в.) и Сборник против Латын и Ляхов (XV в.).— Чт. в О-ве Нестора лет., кн. 4 (1890 г.), стр. 101 и след.

к такой генеалогии: (начало второй половины XIII в.) Толковый Апokalипсис, Хрснограф, Летописец, Соборьник + (XV в.) Пчела = (начало XVI в.) Архивский список.

Где же в XIII в. была составлена основа протографа Архивского списка, затем — протограф последнего и самый список? Судя по цитате Хроографа о Совии и литовских последсателях его ереси, а также судя по интересу к Латынам, обнаруживающемуся в дополнениях Повести временных лет „Летописца русских царей“ и в первых трех главах „Соборьника“, при возможном отождествлении „Соборьника“ с книгой того же наименования, принадлежавшей Волинскому князю XIII в., и при существовании найденного в Перемышле юго-западного списка Изборника 1073 г. (XV в.) и юго-западного же сборника полемических статей против Латинян (XV в., — можно бы местом составления основы протографа Архивского списка считать Галицко-Волинскую область. Но не может ли противоречить такому заключению присутствие в этой основе „Летописца“, во второй части которого явные следы летописи Переяславле-Залесского? Несомненно, что в „Летописце“, хотя почти и не касающемся событий Галича и Волыни, вся Повесть временных лет, сходная притом не столько с Повестью по Лаврентьевскому списку,¹ сколько с Ипатьевской,² проредактирована на юго-западе; это явствует не только из исключительного знакомства с литовской этнографией и из недоброжелательной оценки хорошо известных западно-европейских обычаев, выраженных словами частью ино-славянского происхождения и западно-русского употребления („зарекногаша“, „с прилики“, „кошули“, „вятизей“, Об. 3), но и из пользования такими словами, как: „конокръци“ (Об. 2) — ср. „конокормство“ в грамоте Витовта („Мат. слов.“ И. И. Срезневского), „пустоваль“ (907 г., вм. Лавр. и Ипат. „воевал“, Об. 9), „приставлены къ скарбу“ (945 г., Об. 11), „Исмудъ, дядко его“ (т. е. Святослава, 946 г., Об. 12), „Добрыню, дядка своего“ (980 г., Об. 17) — ср. Димитрий Дядько „староста земли Русской“, т. е. кормилец или пестун княжеский — со 2-й четверти XIII в. — в Галицко-Волинской области;³ „черезик“ (993 г., Об. 32), „опрѣсноки сиречь оплатки“ (986 г., Об. 19), „събуруа“ (993 г., Об. 33), „господарю“ (6545 г., т. е. 6523—1015 г., о св. кн. Борисе, Об. 35), „а гривна по пятидесять грошь“ (Об. 42), „счюваль“ (Об. 44), „с под кожа“ (1070 г., Об. 47), „любяще (св. Феодосий Печ.) некоего местича, именеъ Ява“ (1091 г., Об. 50) и др. (между прочим под 8(2 г. дважды „Труберъ“ вм. „Труворъ“, ср. у Длугоша дважды Trubor).⁴ Эти украинско-белорусские слова встречаются здесь, таким образом, в древне-киевских рассказах Начальной летописи — об исконных данниках русских племен, о походе Олега на Греков, о мести Ольги, о единоборстве юноши, переевшего славу, о Святославе, Владимире св., Борисе и Глебе, Ярославских волжах, Феодосии Печерском. Но следы той же юго-западной лексики видны, хотя и не в такой же мере, и в дальнейшей хронологически летописи, не исключая части собственно Переяславле-Залесской, звтор которой

¹ С. А. Белоуров, Русские летописи, стр. VI.

² В заглавии Повести у автора „Летописца русских царей“, очевидно, было имя Нестора, так как в статье о начале Печерского монастыря к словам: „вън же (т. е. в Киево-Печ монастырь) и азъ придохъ“, на поле тою же рукою приписано: „Нестер“. Сравним „Нестера черноризца“ в заглавии Хлебниковского списка. Может быть, сходство в огласовке этого имени должно послужить исходной точкой исследования, не легла ли в основные Повести временных лет „Летописца русских царей“ Повесть типа Хлебниковской. Цитату о приходе летописателя в К.-П. монастырь В. С. Иконников привел неверно (Опыт русск. историогр., II, 1, стр. 417, прим. 1).

³ См. „Болеслав-Юрий II, князь всей Малой Руси“, 1907 г., по указателю.

⁴ К. Бестужев-Рюмин. О составе русских летописей, Прилож., стр. 68 и 69.

закончил свой труд между 1214—1219 гг., например: „где что чюа“ (1141 г., Об. 55), „Ярославца“ (Лавр. „Ярослава“, 1138 г., Об. 54), „съ Мьстиславцемъ“ (Лавр. „съ Мстиславом“, 1168 г., Об. 76). Одинаковы на всем пространстве летописи и явления, отражающие фонетику: „у“/„в“: „у море Варяжское“ (Об. 1), „узяти“ (Об. 9, 18), „узьяль“ (Об. 10), „уси“ (Об. 39), „в них“ (= у них, Об. 4), „в нас“ (= у нас, Об. 12), „невпредиве“ (Об. 49), „въмираеть“ (Об. 24), „в вустьхъ“ (Об. 50), „у Кыеве“ (Об. 67, см. „у Киевь“ Об. 12), „у Суждали... у мале дружине“ (Об. 75), „у стеغو“ (Об. 79), „у Переяслави“ (Об. 107), „вась удалъ мне“ (Об. 110), „въ святого Спаса“ (Об. 80), „просяче в него“ (Об. 104); „и“/„ѣ“ „укротъ“ (Об. 29), „улюбѣль“ (Об. 71); „и“/„ы“: „нине“ (Об. 2, 4), „омився“ (Об. 83);¹ „-чы-“, „-шы-“, „-сы“: „въ Янчине“ (Об. 80), „бывшыжъ“ (Об. 49), „в своихъ“ (Об. 56, 57); „-ры“: „створы“ (Об. 40); „ц“/„ч“: „царичина“ (Об. 29), „Куцковиць“ (Об. 83), „черньча“ (Об. 106); „з(с)“/„из(ис)“: „зъ замориа“ (Об. 16), „сторикъ“ (Об. 19), „с под кожи“ (Об. 47), „ида с Смоленьска“ (Об. 76); местн. п. ед. ч. „-у“, „-ю“: „в Полотецю“ (Об. 5), „в войску“ (Об. 29), „в Пин(ь)ску“ (Об. 35, дваж.), „у Курьску“ (Об. 54), „въ Смоленску“ (Об. 86); „есмо“: „дали есмо“ (Об. 34), „отдали есмо“ (Об. 42), „есмо целовали“ (Об. 66).² „а“/„о“: „а“, „я“/„е“: „ахабивъ“ (Об. 14), „аканнный“ (Об. 40), „раздвала“ (Об. 86);³ „Мря жа“ (т. е. Мря же, Об. 2), „та же речъ“ (Об. 18), „Дервяляне“ (Об. 2) при „Дервяляв“ (Об. 4), „тача“ (= таче, Об. 24), „Ерослава“ (Об. 32), „пртиву мачясе“ (Об. 69, дваж.), „повезаша“ (Об. 89), „Рязань... Резань“ (Об. 100), „в Ръзани... Рязаню“ (Об. 108). Вероятно, как эти явления лексики, так и явления говора в особенности, не принадлежат здесь одному времени, а также не относятся к одной местности. Но, повидимому, большинство их (основной слой?) относится к юго-западной области и частью восходит именно к XIII в.

Что и над второй частью летописи работал Галицко-Волынский редактор, видно из следующих примеров: 1153 г. „и изима Изяславъ множество Галичанъ“, Галичан вм. Лавр. „ксолдникъ“; 1172 г. „посла Андреи Романа Мьстиславича“, Мьстиславича вместо правильного „Ростиславичя“ (Лавр.), Романом же Мстиславичем звался Галицкий князь, убитый ляхами в 1205 г. Далее, жители г. Торжка (Лавр. „Новоторжьци“, „Новгородци“) под 1178 и 1182 гг. названы „Трьчане“ и „Трьчаны“ потому, что Галичанину-Волынцу XIII в. был знакоме город в Южной Руси, подобозвучный по наименованию: „Торчевъ“, „Торчевский“, „Торчский“, где не раз сражался Даниил Романович, наделяя притом князей этим городом: Ипат. 1231 г. „Даниль же изъ Руской земля взя себе часть Торцький, и паки да и детемъ Мьстиславимъ, шюрятомъ своимъ, рекъ имъ: за отца вашего добродееанье примете и держите Торцький градъ“; *ibid.*: „исполчивъ полкы свои поиде ко Торчеву... бе бо Торцьвьскы въ субботу великую“; Ипат. 1234 г. „Сретевшим же ся воемъ многимъ Половецкимъ у Торчьского, бысть сеча люта. Данилови же гонящу по Половцехъ“...

Итак, и 1-я часть „Летописца“ (Повесть временных лет с добавлением) и 2-я его часть (1138—1219 гг.), очевидно, спаяны в Галицко-Волынской области, причем 1-я часть в своей основе, сходной с Ипатьевской, издревле бытовала в этой области, а вторая часть пришла в эту область из Переяславле-Суздальской. Эта вторая часть, по нашему убеждению, начиналась Повестью временных лет типа Лаврентьевского

¹ „белимъ трети“ (Об. 3) сомнительно, при „белиломъ терти“ другого списка Летописца (Никифоровского).

² „Есмо“ есть и в Александрии по Архив. сп. (В. М. Истрин, стр. 25, 112).

³ „А“/„о“ в иностранных словах не приводим.

списка, которая, при спайке, и налегла на соответствующий текст типа Ипатьевской. Нет сомнения, что и первая часть и соединение ее со второй существовали в XIII в. Последнее явствует из того, что редакция известий 1138—1219 гг. произведена человеком, хорошо помнившим имя Романа Мстиславича Галицко-Волынского и места боев Даниила Романовича за свой удел. Что же касается до времени окончательного вида первой части, то на это указывает замена имени Печенегов (388, 993, 996, 1015 гг., Об. 32, 33, 40) и Половцев (1091 г., Об. 51) Татарами („Та(о)тары“, „Та(о)тарове“, „Татаринь“) именно в Повести временных лет, чего во 2-й части летописи вместо Половцев не читается. Отсюда вывод: было два Галицко-Волынских редактора и „Летописца“; первый работал над „Повестью временных лет“ (с дополнением), второй — над „Повестью временных лет“ и над 1138—1214 гг. летописи: а также над спайкой обеих ее частей. Первый трудился после 1240 г., когда Татарами были взяты и разрушены: Киев, защищавшийся наместником Даниила Галицкого, Колодажн, Каменец, Изяславль, Владимир Волынский и Галич;¹ второй же редактор действовал еще позднее, но все же в XIII в.

Что касается болгарской Пчелы в переводе XIV в., то она вошла в протограф XV в. Архивского сборника также, должно быть, на Галицко-Волынской почве, куда, по мнению Шахматова, в половине XIV—XV в. болгаро-сербские рукописи обильной струей проникали через Балахию, через ее болгарское и румынское население, находившееся в тесном общении с Галичиной („Несколько заметок об языке Псковских памятников XIV—XV вв.“, 1909 г.)

Относительно русской летописи, включенной в Архивскую рукопись, писал и Шахматов (Исследование о Радзивиловской или Кенигсбергской летописи. Пам. др. письм. № СХVIII, СПб., 1902). Приведем его слова с некоторым дополнением. „Переяславская (Переяславля Суздальского) летопись дошла до нас не вся, а только в части от 6646 (1138) г. в сборнике Моск. Архива министерства иностр. дел XV в., который мы будем здесь называть Архивским хронографом.² Эта часть Переяславской летописи соединена в указанном хронографе с началом какой-то другой летописи: из последней попали в хронограф — Повесть временных лет и два известия, помещенные за этой Повестью; одно, относящееся к 6645 (1137) г., а другое — к 6651 (1143) г. Между вторым из этих известий и рассказом о 6646 (1138) и следующих годах — рассказом, восходящим к Переяславской летописи, находятся две выписки из Повести временных лет, из которых одна — о небесном знамении — относится к 6610 (1102) г., а вторая — об ангельском видении — к 1110 г. (ср. в Ипат. лет. под 6619 г.).³ Летопись, из которой заимствованы

¹ В дополнении Повести временных лет о бесстудной одежде Латын (Об., 3) есть признаки, указывающие, по мнению Вейса, на изменения в одежде, которые произошли не ранее XIII в., а может быть даже в XIV в. в средней Европе (В. С. Иконников, Опыт русск. историографии, т. II, кн. 1, стр. 574, прим. 2).

² Употребление термина „хронограф“ в значении всего сборника, а не одной лишь 2-й его части, свойственно только Шахматову; В. М. Истрин, а также другие исследователи (и мы в том числе) называют Архивским (В. М. Истрин „Иудейским“) хронографом именно 2-ю статью Архивского списка, или дружку этой статьи — в списке Виленском, — или протограф статьи, устанавливаемой на основании Архив. и Виленск. текстов.

³ Выписка о небесном знамении, приставленная без цифры года к известию 1143 г., представляет сокращение текста, читающегося в Ипатьевском и Лаврентьевском списках под 6610 (1102) г. За этой выпиской идет, без цифры же года, вторая выписка — об ангельском видении (из Толкования Ипполита на кн. прор. Даниила) — представляет собою сильное сокращение текста, читающегося в Ипатьевской летописи под 6619 г.

в Архивский хронограф *Повесть временных лет* и известия я 1037 и 1043 гг. (ср. эти известия в Ипат. лет.),¹ носила название „Лѣтописецъ Рускихъ Царѣи“² и по многим данным принадлежала юго-западной Руси; во-первых, мы находим здѣсь полемические отрывки против Латинян, более уместные на юго-западе, чем, например, в Суздальской Руси (ср. в начале летописи, стр. 5,³ вверху и в середине, по изданию кн. Оболенского);⁴ во-вторых, составитель обнаружил знакомство с литовскими племенами: так, он назвал Литву — исконными данниками и конокормцами, а имя Неромы отождествил с Жемонтью (стр. 4);⁵ в-третьих, составитель отождествляет понятия о княжении с понятием о царствовании, что замечается в Галицко-волынской летописи, называющей Романа самодержцем и царем (например Ипат.: 1201... „по смерти же великаго князя Романа, приснопамятнаго самодержца всея Руси“, 1250 г. „его-же [г. е. Даниила] отецъ бѣ царь въ Руской землѣ“. Очевидно, идея о царь-самодержце возникла на юге древней Руси и уже отсюда перенесена на северо-восток): ср., кроме заглавия летописи, под 862 г.: „поищемъ собѣ князя и поставитъ над собою царствовати“; под 882: „и сѣдѣ Олегъ княжа и царствоуа въ Киевѣ“; под 852 г.: „нача царствовати (вм. проыватися) Русская земля“; в-четвертых, между этою летописью и юго-западом устанавливается внешняя связь, как через посредство Архивского хронографа, памятника юго-западного происхождения (ср. Истрин, Александрия русских хронографов, стр. 358 и след.), так и через посредство изданного С. А. Белокуровым Никифоровского (теперь Академическаго) сборника, содержащаго отрывок этой летописи в соединении с западно-русскою летописью.⁶ В видѣ предположения решаю

¹ Известие 1137 г. о приходе и поставлении 1-го епископа в Смоленске, Мануила Грека; в Летописце Арх. оно пересказано по известию Ипатьевской лет.; известие 1043 г. сообщает о буре, разметавшей дома, припасы и оружие; в Летописце Арх. оно пересказывает известие Ипатьевской л., но без имени места, где случилась буря (И. „около Котелавичѣ“, Х. Е. „Котелици“).

² Такое заглавие, вместо обычнаго, стоит над *Повестью временных лет* Летописца Архивскаго и его дружки — Никифоровскаго.

³ Цифра „5“ ошибочно у Шахматова, надо — 3.

⁴ Шахматов разумеет два места: 1) о том, что Латина не постыжся во вторник Федоровы недели „съ прилики цесаря Ираклия“, не поспевшего из-за войны с Персами к запуску сырному и подвергнутого за это епитимии (источника Шахматов не указал; см. Терновскаго „Изуч. виз. ист.“, стр. 83, 84, 196; В. М. Истрин. Книги... Георгия Мниха, 1, стр. 432—436, источники Амртола см. у Боора; не взято ли в „Летописецѣ“ из полемическаго статьи против Латинян, а сюда — из Никона Черногорца?); 2) о бестудии Латинян, состоящем в служении чужим женщинам (рыцарское служение дамам) и в неприличной щегольской одежде: „словѣне же отвращахуся ихъ, обвиняя къ ним присташа мало“. Рассказ о бестудии содержит слова ино-славянские, повидимому популярны на юго-западе России.

⁵ Цифра „4“ ошибочно у Шахматова, надо — 2: „Литва, испрѣва исконнии даници и конокрѣмци, Змигола, Корсь, Нерома спречъ Жемонть, Либь“. В Лавр. и Ипат. здѣсь: „Литва, Змигола, Корсь, Норова (Ипат. „Норома“, Р. Т. „Нерома“). Либь“.

⁶ Чт. в Об. И. и Др. Р. при М. У., 1894, кн. 4. Материалы историческіе: 1. „Русскіе летописи (1. Летописецъ патр. Никифора, 2. Летописецъ Переяслава Суздальскаго. 3. Хроника русская [Летописецъ вкратце] проф. Даниловича). С предисловіем д. чл. С. А. Белокурова“.

Поименованные в этом заглавии три летописи изданы по сборнику Н. П. Никифорова. К одному подбору статей, писанному в XV—XVI вв., в этом сборнике принадлежит: Палея Истринская, отрывки другой Палеи, „сборник“ разных статей и статей, Летописецъ Иоанна Дамаскина и другіе статьи, „Лѣтописецъ рускихъ царей“ (т. е. Переяслава Суздальскаго, по терминологии Оболенскаго), и русско-литовская летопись, подобная изданной Даниловичем, составленная в основе, по мнѣнию Белокурова, между 1428—1430 гг. смоленским епископом. Летописецъ Переяслава Сузд. не имеет конца, обрываясь на 6415 (90) г. словом „вспятъ“ (Обол., стр. 9, стрк. 7 св.); судя по стар. нумерации, здѣсь пропала тетрадь в 8 листов, на которых, — говорит Белокуров, — (V), известія, продолжались приблизительно до 695 г.“ Это — очевидная опечатка,

указать на возможность того, что „Летописец русских царей“ во второй своей части был тождествен с тою Галицко-Волынской летописью, которая вошла в состав Ипатьевского и сходных с ним списков. На отдельность первой части летописи по Архив. сборнику от второй (1138—1214 г. — Переяславско-Суздальской) видим указание и в правописании обеих частей: в первой употребление большого юса весьма обычно; во второй (при беглом чтении) я нашел его только в трех словах на стр. 57 (Обол.)“ (Шахматов. Иссл. о Радз. или Кенигсб. лет., стр. 31—33).

В 1916 г. („Повесть временных лет“, т. 1) Шахматов говорит о летописце Переяслава Сузд. (по сп. Архивскому), что этот „свод“ писан в XVI в., но составлен гораздо раньше, вероятнее всего в XIV в.⁴¹

По содержанию распадается на две части: 1) Летописец Русских царей, представляющий сокращение Повести временных лет (с некоторыми в нее вставками); последняя статья 6618 г. содержит и извлечения из благочестивых рассуждений по поводу чудесного явления огненного столпа. 2) Две выписки из Киевской летописи 1137 и 1143 гг.

надо читать: 6453 (955) г. Судя по записям и пометам XVI—XVII вв. на латинском польском и западно-русском языках, Никифр. рукопись в прежнее время находилась в западном крае, где она, быть может, и написана (стр. L).

Что касается невыясненного Белокуровым взаимоотношения текстов „Летописца русских царей“ по сп. Архивскому и Никифоровскому, то, прежде всего, ни один из них не списан с другого, потому что в том и другом есть, например, несовпадающие пропуски. Что протограф Арх. и Ник. отличался чертами, указывающими между прочим, на юго-запад России, видно из употребления в обоих списках совпадающих речений: „зарекноваша“ (Об. 3 — „ша“ Бел. 9), „сприлик“ (Об. 3, Бел. 9), „от витязей“ (Об. 3, — „зей“ Бел. 10), „кошюли“ (Об. 3) = „кушюли“ (Бел. 10), „гворь“ (Об. 3, Бел. 10), „друга прѣд другою“ (Об. 4) = „друга прѣд руюго“ (Бел. 10), „червити лице и белимъ трѣти абы уноша въжелель“ (Об. 3) = „червита лице и бѣлимоъ терти абы уноша въжелель“ (Бел. 10, 11), „поищемъ собѣ князя и поставимъ надъ собою царствовати“ (Об. 3, Бел. 13), „Труберъ“ дважды (Об. 5, Бел. 12), „грѣбучи рѣкою“ (Об. 5, Бел. 13), „засобѣ“ (Об. 6, Бел. 13), „и сѣдѣ Олегъ княжа и царства въ Киевѣ“ (Об. 6, Бел. 14), „риторы“ (Об. 8, Бел. 15) „буквоу“ (Об. 7, Бел. 15), „въ Испани“ вм. Лавр. и др. „Пани“, т. е. „Панонии“ (Об. 7, Бел. 16), „не пусто-валъ“ (Об. 9, Бел. 17).

Из совпадающих явлений графики и языка отметим: постоянно „собѣ“, „Хоривица“ (Об. 2, Бел. 8), „друзѣхъ мучаху“ (Об. 8) = „друзехъ мучаху“ (Бел. 17), „Мря жа“ (Об. 2, Бел. 9); ср. „въ Полотсцю“ (Об. 5), „в Полотску“ (Бел. 13); „жиущимъ“ (Об. 7, Бел. 15); это последнее явление, должно быть, было у протографа Летописца чаще, см. например: Ник. „жиуще“ (Бел. 10, = „живуще“ Об. 3), Ник. „зоутся“ (Бел. 14, = „зовутся“ Об. 7). Вообще совпадающих в обоих списках своеобразных черт много: „езеро“, „Бѣло-езеро“, „Деревляне“, „Новоградци“, „Сѣвера“, „Грѣкъ“, „мвение“, „Дрягвичи“ и „Дрегвичи“, „на Клицинѣ езере Мря жа“, „Вельци“, „Имь“, „конокръ-орумца“, „Нерома“, „въ Цариградѣ“, „Обори“, „Оборина“, „деверню“, „Амоване“, „Магметевъ“, „Иверци“ (вм. „Тиверци“), „Меедин“, „училь туда“, „стави Олегъ воя“, и т. п. Много сходства и в начертаниях („ръ“, „аа“).

Из явлений, принадлежащих только Ник. списку, отметим: „наричемъ“ (Бел. 7, = „нарицаемъ“ Об. 1), „Мозовшане“ (Бел. 7, = „Мазовшане“ Об. 1), „авозъ Боричевъ“ (Бел. 8, = „увозъ Б.“ Об. 2), „Полянские“ (Бел. 8, = „Поляни Киеву“. Об. 2), „второк“ (Бел. 9, = „вторникъ“ Об. 3), „насмѣсане“ (Бел. 10, = „насмѣсанъ“ Об. 4), „мртвица“ (Бел. 11, = „мртвѣца“ Об. 4), „гнѣводръжцемъ“ (Бел. 11, = „гнѣводръжшемъ“ Об. 4), „хомѣки“ (Бел. 11, = „хомякы“ Об. 4), „нача Михаило царствовати“ (Бел. 12, = „Михаиль“ Об. 5, 852 г.), „почномъ“ (Бел. 12, = „почнемъ“ Об. 5), „назадѣ“ (Бел. 13, = „назади“ Об. 6), „княжого“ (Бел. 14, = „княжего“ Об. 6), „Радимичомъ“ (Бел. 14, = „чемъ“ Об. 6), „слышевѣ“ (Бел. 15, = „слышавѣ“ Об. 7), „Еурѣй“ (Бел. 15, = „Еврей“ Об. 7), „охтомвриа“ (Бел. 16, = „охтоврия“ Об. 8), „извлещи“ (Бел. 16, = „извлочити“ Об. 8), „покостану“ (Бел. 18, = „покосну“ Об. 8), „углады“ (Бел. 17, = „уграды“ Об. 9, вм. Лавр. и Троиц. „уклады“; „углады“ — во всех остальных списках Повести временных лет, привлеченных к 1-му изд. в ПСРЛ).

1 В „Обзрении“ А. А. Шахматов относит рукопись Архивского сборника по палеографическим признакам к XV в., но составление свода относит к тому же XIV в. или к XV в. (стр. 119 и след.) Остановившаяся на месте составления этой компиляции, А. А. Шахматов приходит к выводу, что она сложена на западе или юго-западе Руси.

(из них первая касается Смоленска), к этим выпискам, по ошибке, присоединены выписки из Повести временных лет, восходящие к статьям 6610—6619 гг. 3) Суздальская летопись в Переяславской переделке с присоединением в конце нескольких переяславских известий; последнее известие 6721 (1213) года“ (LIV и LV). Некоторым чтениям Повести временных лет по „Летописцу русских царей“ Шахматов придает преувеличенное значение (см. „Дополнительные примечания“, стр. 392—к 335, 13 и к 336, 5).
